

ИСКУССТВО ВЛАСТИ ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ МИРА

Если бы существовала единица измерения беспринципности, то ее эталон хранился бы в Парижской палате мер и весов и называлась бы эта единица — 1 Талейран (1 Тл). Изоцренный ум, беспринципность, изворотливость, обман как средство достижения нужных целей...

Так характеризовали Талейрана современники и историки — и они были правы. Но оставим даже в стороне тот факт, что вершители судеб Европы и мира во времена Талейрана, были далеко не ангелами. И патриотизм...

Талейран никогда не был патриотом Франции, он был патриотом власти и денег. И тем не менее его расчетливость и корыстолюбие принесли Франции больше пользы — реальной пользы, — чем вместе взятый патриотизм самых патриотично настроенных патриотов.

Взять хотя бы Венский конгресс. Диспозиция перед ним: Франция побеждена, унижена и ждет, каким образом победители решат ее судьбу и судьбу остальной Европы. И после конгресса: Франция снова в игре, и великие державы выступают на ее стороне. Волшебство, фокус, удивительное явление природы, благоприятное сочетание небесных светил? Нет, тонкая и умная работа, гениальная постановка, режиссером которой был он — Талейран.

А ведь Венский конгресс — далеко не единственная его дипломатическая победа. Он продавался и умел продавать, но при этом делал то, что должен был делать, — отстаивал интересы своей страны. И делал это хорошо, великолепно, возможно даже лучше, чем кто-либо другой за всю историю человечества...

Шарль Морис де Талейран-Перигор
(1754—1838)

ШАРЛЬ МОРИС
де ТАЛЕЙРАН
**ЖИЗНЬ
БЕЗ МОРАЛИ.
МЕМУАРЫ ДИПЛОМАТА**

Иллюстрированное издание

Москва
2026

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Прозвище «отец лжи» давно и прочно прикрепило
к Шарлю Морису де Талейрану-Перигору.
Его имя стало нарицательным: Талейраном в мире большой политики
называют человека беспринципного, лицемерного,
мастера плести хитроумные сети интриг.
Выходит, до него все политики и дипломаты были людьми
исключительно честными и порядочными?
И только Талейран научил их лживости?..
А меж тем, Талейран был откровенен
и никогда не пытался изобразить из себя святого.
«Я всегда,— писал этот знаменитый дипломат,—
был человеком, наиболее в моральном отношении дискредитированным,
какой только существовал в Европе за последние сорок лет,
однако я всегда был либо всемогущим у власти,
либо накануне возвращения к власти».

Примерно также следует подходить и к «Мемуарам» Талейрана.
Воспоминания дипломата — не истина в последней инстанции
и чаще всего не истина вообще.

Автор говорит далеко не все и не про всех.
«Дипломат трижды подумает даже перед тем, как ничего
не сказать», — в этой известной шутке очень мало от шутки.

И не всегда, скажем мягко, Талейран точен в фактах.
Но при этом «Мемуары» Талейрана — бесценный документ
об одной из величайших эпох в истории европейской цивилизации
от одного из главных творцов этой эпохи.

Калека от рождения; заядлый картежный игрок и не менее заядлый
коррупционер; один из самых умных министров иностранных дел,
которых знает история; талантливый интриган и безупречно
аморальный политический деятель; человек, обладавший не только
изворотливым умом, но и редкостным политическим чутьем.
Вот кем был автор и главное действующее лицо этой книги.

И трудно не согласиться с мнением
классика отечественной историографии Е. В. Тарле:
«Без этих мемуаров не может обойтись ни один историк Франции эпохи
конца Старого режима, революции, империи, Реставрации,
Июльской революции, монархии Луи-Филиппа,
так же как ни один историк европейской дипломатии
в этот период...»

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. Тарле. ТАЛЕЙРАН. БИОГРАФИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Князь Талейран-Перигор своей личностью и своей исторической ролью всегда повелительно приковывал к себе внимание исследователей...

11

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТАЛЕЙРАН ПРИ «СТАРОМ ПОРЯДКЕ» И РЕВОЛЮЦИИ

18

Фигура князя Талейрана в памяти человечества высится в том ограниченном кругу людей, которые если и не направляли историю по желательному для них руслу (как это долго представлялось историкам идеалистической и, особенно, так называемой «героической» школы), то являлись характерными живыми олицетворениями происходивших в их эпоху великих исторических сдвигов.

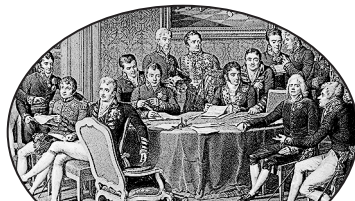

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТАЛЕЙРАН ПРИ КОНСУЛЬСТВЕ И ИМПЕРИИ

Что такое была для Талейрана наполеоновская империя? Блеск и неслыханная роскошь придворной жизни... положение министра, служащего самодержавному и могущественнейшему владыке богатейших и культурнейших в мире земель и народов... Пресмыкающиеся перед ним, Талейраном, короли, королевы, герцогини, великие герцоги, курфюрсты; непрерывная лесть, раболепное преклонение, заискивание со стороны бесчисленных коронованных и некоронованных вассалов; и — золото, золото, золото, бесконечным потоком льющееся в его карманы.

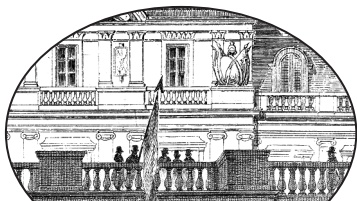
56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЛЕЙРАН ПРИ РЕСТАВРАЦИИ

91

Талейран проявил здесь в полном блеске свои огромные дипломатические способности. Он во всю остальную жизнь всегда указывал на Венский конгресс как на то место, где он упорно отстаивал — и отстоял — интересы своего отечества от целого полчища врагов, и притом в самых трудных, казалось, безнадежных, обстоятельствах, в каких только может очутиться дипломат: не имея за собою в тот момент никакой реальной силы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ТАЛЕЙРАН ПРИ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

112

В первые же дни нового царствования обнаружилось, что хотя только что победившая Июльская революция была окончательной и уж самой бесспорной победой буржуазии над аристократией, но что есть на свете один аристократ, самый подлинный и чистокровный, без которого ни в каком случае торжествующая буржуазия не может обойтись: это был все тот же князь Талейран-Перигор...

МЕМУАРЫ

ПЕРВАЯ ГЛАВА (1754—1791 ГОДЫ)

128

Предки Талейрана и его детство.— Госпожа Шале.— Талейран поступает в коллеж Гаркура в Париже.— Знакомство с Шуазелем-Гуфье.— Переезд в Реймс.— Семинария Св. Сульпиция.— Два года в Сорбонне.— Талейран поселяется в Бельшассе.— Его друзья и разговоры о политике и международном положении.— Революция и решение Талейрана не покидать Францию.

ВТОРАЯ ГЛАВА (1791—1808 ГОДЫ)

183

Положение королевской власти в первые годы Революции.— Талейран уезжает в Лондон.— Талейран решает, остаться ли ему в Англии или вернуться во Францию и выбирает... Соединенные Штаты.— Путешествие по внутренним районам Соединенных Штатов.— Встреча с Александром Гамильтоном; разговоры и дискуссии с ним.— Декрет Конвента, разрешающий Талейрану вернуться во Францию.— Возращение в Париж.— Первое знакомство с Наполеоном Бонапартом.— Талейран становится министром иностранных дел Франции.— Свержение Директории: переворот 18 брюмера.— Амьенский мир.— Послание Папы Римского о переходе Талейрана в светское состояние.— Внешние и внутренние дела Бонапарта и Талейрана.— Талейран подает в отставку с поста министра.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. ЭРФУРТСКОЕ СВИДАНИЕ (1808 ГОД)

245

Судьба Молдавии и Валахии.— Переговоры канцлера Румянцева и французского посла Коленкура.— Наполеон предлагает Талейрану отправиться вместе с ним в Эрфурт.— Проект соглашения между двумя императорами, предложенный Талейраном.— Прибытие Талейрана в Эрфурт.— Прибытие императоров.— Встреча Наполеона и Гете.— Спектакли Французской комедии в Эрфурте.— Разговор Наполеона и немецкого поэта Кристофа Мартина Виланда.— Наполеон рассказывает Талейрану о своем намерении развестись с Жозефиной.— Последний день в Эрфурте.— Договор, подписанный в Эрфурте.

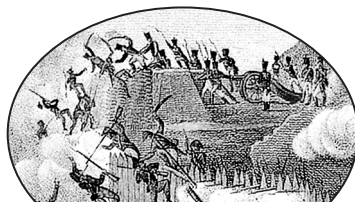

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.
(1809—1813 ГОДЫ)

288

Талейран не участвует в политической деятельности императора, но остается в курсе дел.— Выбор новой императрицы и соображения Талейрана на этот счет.— Созданные Наполеоном государства и их правители.— Испанские дела.— Непростые отношения Наполеона и Католической Церкви.— Церковные совет, созданный в 1809 году.— Церковная комиссия.— Статьи, принятые Папой.— Собор епископов в соборе Нотр-Дам и его решения.— Примирение Наполеона и Папы Пия VII.— Папа возвращается в Рим.

ПЯТАЯ ГЛАВА.
ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.
РЕСТАВРАЦИЯ.
(1813—1814 ГОДЫ)

347

Утомление Франции от Наполеона.— Неиспользованные возможности императора.— Подозрительность Наполеона по отношению к Талейрану.— Наполеон, по мнению Талейрана, составляет заговоры против самого себя.— Кампания 1813—1814 годов.— Причины, склонившие Талейрана стать сторонником Реставрации.— Союзные войска вступают в Париж.— Встреча Александра I и Талейрана.— Низложение Наполеона.— Талейран становится главой временного правительства.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.
ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС.
(181—1815 ГОДЫ)

379

Талейран прибывает в Вену.— Совещание дипломатов накануне Конгресса.— Притязания Пруссии.— Аудиенция у саксонского короля.— Соглашения по Италии, Швейцарии и Нидерландам.— Успехи Франции на Венском конгрессе.

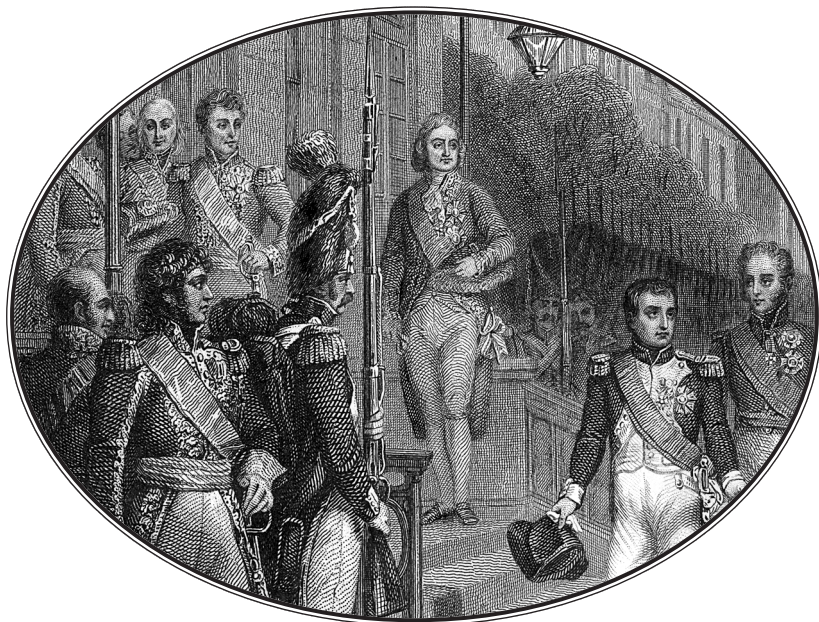
СЕДЬМАЯ ГЛАВА.
ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦИЯ.
(1815 ГОД)

393

Талейран прибывает в Бельгию и узнает об исходе битвы при Ватерлоо.— Донесение королю.— Положение Франции в 1814 году.— Позиция Франции по отношению к Пруссии и Саксонии.— Франция добивается дипломатических успехов благодаря Талейрану.

Е. В. Тарле
ТАЛЕЙРАН

ВВЕДЕНИЕ

*К*нязь Талейран-Перигор своей личностью и своей исторической ролью всегда повелительно приковывал к себе внимание исследователей. Особенно оживился интерес к нему в исторической литературе именно после мировой войны и Версальского мира. Этот интерес не случаен. Он имеет совершенно определенные основания. Талейрана считали и называли всегда величайшим мастером дипломатического искусства, «королем дипломатов», а главное — пионером и основоположником новейшего дипломатического творчества, новых методов и приемов дипломатии. Раньше чем перейти к рассказу о жизни и характерных свойствах этого человека, остановимся на вопросе: каково было отличие новой, талейрановской дипломатии от традиционной деятельности его предшественников, старых виртуозов этого искусства? В немногих словах это отличие может быть охарактеризовано так: Талейран был дипломатом начинавшейся эпохи буржуазного владычества, эпохи победоносного наступления капитала и крушения феодально-дворянского строя, и именно Талейран первый уловил, в каком направлении следует видоизменить старые дипломатические навыки.

Следует сказать, что новая история дипломатии начинается, в сущности, лишь с XIV—XVI столетий, с образования и постепенного усиления больших «национальных» монархий, когда впервые стали возможны крупные внешние столкновения между державами. Во времена мелких феодальных драк между помещиками-государями раннего Средневековья дипломатии в точном смысле слова почти не существовало. Полная фактическая независимость феодалов от призрачной королевской или императорской власти превращала Европу в Средние века (до XV—XVI столетий) в конгломерат из нескольких тысяч карликовых «государств», непрерывно ссорившихся, мирившихся, снова дравшихся, снова мирившихся, и все это с непосредственной целью урвать лишний кус земли, или ограбить соседний замок, или угнать скот, принадлежащий чужой деревне.

В XVI—XVII веках, когда буржуазия стала уже постепенно поднимать голову и кое-где (в Голландии, потом в Англии) определенно влиять на дела, когда широко развернулась погоня европейских держав за заморскими богатыми странами, когда захват и раздел Америки, Индии, Индонезии стал на очередь

дня, — искусная дипломатия как средство подготовки войны в наиболее выгодных условиях сделалась могущественным орудием успеха для любого из соперничавших государств.

Но именно на истории дипломатии этих последних предреволюционных столетий мы наблюдаем любопытнейшее подтверждение справедливости старинного изречения о том, что часто «мертвый хватает живого», что старые навыки далеко не сразу уступают место новым приемам и что иной раз основные условия работы давно уже изменились, а работающие не хотят или не в состоянии этого понять.

Возьмем наиболее ярких представителей старорежимной дипломатии. Если исключить гениального шведа, канцлера первой половины XVII века Акселя Оксеншерну*, — то что нас поражает и в Шуазеле**, французском министре середины XVIII столетия, и в графе Верженне***, и в талантливом австрийском канцлере Каунице****, не говоря уже о людях средних? Все они, руководители политики великих держав, сплошь и рядом ведут себя как прежние майордомы, «палатные мэры», или как добрые, бравые, рачительные приказчики одного из бывших феодалов-помещиков. Понимание постоянных, длительно действующих исторических потребностей государства им почти всегда чуждо. Это люди сегодняшнего дня и сегодняшних капризов и настроений их повелителя. И вместе с тем слова «двор» и «правительство» для них всегда и во всех отношениях совпадают так же, как слова «двор» и «государство». Они служат абсолютному монарху, но лишь постольку, поскольку сам этот абсолютный монарх служит дворянству, аристократической, крупноземлевладельческой верхушке. Горе ему, если он попробует хотя бы робко отклониться от этой линии! Когда Иосиф II, император Австрийский, вздумал только коснуться крепостного права, его дипломаты предали и продали его. Когда глава португальского правительства министр Помбаль***** попробовал проводить прежние буржуазные антифеодалные реформы, португальские дипломаты за его спиной стали подкапываться под его политику и прозрачно намекать и англичанам и испанцам, что хорошо бы сократить слишком ретивого реформатора. Внешняя политика дипломатии в этой отрасли государственной службы попала в прочное потомственное и вполне монопольное обладание к аристократическим родам; их представители, естественно, смотрели на эту монополию как на незаменимое средство поддерживать интересы своего класса всеми могущественными силами государственной внешней политики.

* Аксель Оксеншерна (1583—1654) — выдающийся шведский государственный деятель, дипломат, соратник короля Густава II Адольфа. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.)

** Этьен Франсуа де Шуазель (1719—1785) — французский государственный деятель и дипломат эпохи Просвещения.

*** Шарль Гравье, граф де Верженн (1719—1787) — французский государственный деятель и дипломат, государственный секретарь по иностранным делам при Людовике XVI.

**** Венцель Антон Доминик Кауниц-Ритберг (1711—1794) — выдающийся австрийский государственный деятель, глава внешнеполитического ведомства Священной Римской империи во второй половине XVIII в.

***** Себастьян Жозе Помбаль (1699—1782) — португальский государственный деятель, фактический правитель Португалии при короле Жозе I (третья четверть XVIII в.), один из наиболее ярких представителей просвещенного абсолютизма.

Шарль Морис де Талейран-Перигор
(1754—1838)

И вот, сначала во время революции, потом при вышедшем из недр революции военном диктаторе Франции, а вскоре и повелителе Европы, на сцене, в одной из первых ролей в великой исторической драме, появляется утонченный, пронзительнейший, талантливейший аристократ, который силой своего необычайного ума не только сразу же вполне безошибочно предугадывает неизбежную политическую гибель своего собственного класса и полное торжество чужого и антипатичного ему лично класса буржуазного, но знает наперед, что в этой борьбе будут всякого рода остановки, попятные шаги, новые порывы, новые превратности в борьбе сторон, и всегда предугадывает наступление и правильно судит об исходе каждой такой схватки. Это чутье всегда заставляло его вовремя становиться на сторону будущих победителей и пожинать обильные плоды своей пронзительности. Что такое убеждения — князь Талейран знал только понаслышке, что такое совесть — ему тоже приходилось изредка слышать из рассказов окружающих, и он считал, что эти курьезные странности (убеждения и совесть) могут быть даже очень полезны, но не для того, у кого они есть, а для того, кому приходится иметь дело с их обладателем. «Бойтесь первого

движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное», — учил он молодых дипломатов, которым напоминал также, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Но предавая и продавая по очереди за деньги и за другие выгоды всех, кто пользовался его услугами, менявшийся, как хамелеон, не продав на своем веку только родную мать — да и то, по выражению одного враждебного ему журналиста, исключительно потому, что на нее не нашлось покупателей, — князь Талейран никогда по существу не изменял только этому прочно победившему, чуждому ему лично буржуазному классу, и именно потому, что считал победу буржуазии несокрушимо прочной. Даже когда он совершил в 1814 году очередное предательство и стал на сторону реставрации Бурбонов, то он изо всех сил старался втолковать в эти безнадежные эмигрантско-дворянские головы, что они могут сохранить власть исключительно при том условии, если будут своими руками делать нужную новой послереволюционной буржуазии политику.

Но Талейран оказался человеком новой буржуазной эпохи не только потому, что всю жизнь, изменяя всем правительствам, неуклонно служил и способствовал упрочению всего того, чего достигла крупная буржуазия при революции и что она старалась обеспечить за собой при Наполеоне и после Наполеона. Даже в самых приемах своих, в методах действия Талейран был дипломатом этой новой буржуазной эпохи. Не аристократический «двор» с его групповыми интересами, не дворянство с его феодальными привилегиями, а новое, созданное революцией буржуазное государство с его основными внешнеполитическими потребностями и задачами — вот что обозначал Талейран термином «Франция». И он знал, что все эти затейливые придворные и альковные интриги, все эти маскарадные посылки эмиссаров и негласных сотрудников, все эти расчеты на влияние такой-то любовницы или на религиозное суеверие такого-то монарха, — что все эти ухищренности и погрешности дипломатии XVIII столетия теперь уже ни при чем и что наступило время, когда нужно считаться и у себя, и в чужой стране с банкиром, а не с королевской фавориткой, с биржевыми облигациями, а не с перехваченными интимными записочками, с такими дуэлями, на которых дерутся при помощи таможенных тарифов, а не при помощи рыцарских рапир. Сообразно с этим он и действовал непосредственными словесными заявлениями, нотами, меморандумами, посылкой официально аккредитованных дипломатических представителей и старался влиять при этом либо демонстрацией готовности к военным действиям (когда это было уместно), либо ловким, своевременным проведенным маневром сближения с той или иной великой державой. И в этом он оказался замечательным мастером. Слуга буржуазного государства, Талейран резко отличался от Меттерниха*, дипломата старой школы, абсолютно непонимавшего, что первая половина XIX столетия ничуть не похожа ни на середину, ни даже на конец XVIII века; он нисколько не походил и на русского канцлера Карла Васильевича Нессельроде**, который гордость свою полагал в том, что был всю жизнь верным камердинером Николая I. Талейран не похож и на Бисмарка, который, правда, никогда не был ни вором, ни

* Клеменс фон Меттерних (1773—1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел в 1809—1848 гг.

** Карл Васильевич Нессельроде (1780—1862) — российский государственный деятель, министр иностранных дел в 1816—1856 гг.

Клеменс фон Меттерних
(1773—1859)

взяточником — каковым был и остался до конца дней Талейран, — но все-таки не изжил до конца некоторых вреднейших для дипломата буржуазной эпохи иллюзий. Бисмарк, например, долго думал, что франко-русский союз абсолютно невозможен, потому что царь и «Марсельеза» непримиримы, и когда Александр III выслушал на кронштадтском рейде в 1891 году «Марсельезу» стоя и с обнаженной головой, то Бисмарк тогда только понял свою роковую ошибку, и его несколько не утешило глубокомысленное разъяснение этого инцидента, последовавшее с российской стороны, — что царь имел в виду не слова, а лишь восхитительный мотив французского революционного гимна. Талейран никогда не допустил бы такой ошибки: он только справился бы вовремя и в точности о потребностях русского казначейства и о золотой наличности Французского банка и уже года за два до Кронштадта безошибочно предугадал бы, что царь без колебаний почувствует и одобрит музыкальную прелесть «Марсельезы».

Поскольку Талейран, совершенно независимо от своих всегда своекорыстных субъективных мотивов, способствовал упрочению победы буржуазного класса, постольку он объективно сыграл положительную, прогрессивную историческую роль. Его личные качества возбуждали негодование, смешанное с омерзением, в честных натурах, вроде Жорж Санд. Он казался каким-то «духом зла» многим, вроде члена Французской академии Брифо, который,

Жорж Санд
(1804—1876)

при общем смехе, саркастически утверждал, будто дьявол сказал Талейрану, когда тот, прибыв после смерти в ад, явился к нему с визитом: «Милейший, благодарю вас, но сознайтесь, что вы все-таки пошли еще несколько дальше моих инструкций!» Но нас тут больше интересует другое.

Жорж Санд, говоря о противоречивом характере Талейрана, отмечала: «Никогда это сердце не испытывало жара благородного деяния, никогда честная мысль не проходила через эту трудолюбивую голову. Он — такая редкостная чудовищность, что род человеческий, презирая его, все-таки созерцал его с глупым восхищением».

вовсе не был «обманут» Гитлером, а сознательно и с полнейшей готовностью стакнулся с Гитлером и умышленно ему помог. Во-вторых, нынешний критик действий Жоржа Боннэ не понимает (или не хочет понять), что Талейран жил и действовал в эпоху круто идущего в гору капиталистического развития, в эпоху начавшегося и быстро прогрессирующего расцвета буржуазного класса

Я указывал уже, что Талейрана стали усердно поминать после мировой войны и поминают его чаще всех именно критики современных дипломатов. «И не стыдно Жоржу Боннэ, который сидит в кресле великого Талейрана, что он так позорно был обманут Гитлером!» — читали мы совсем недавно, в январе 1939 года, во французской радикальной печати. Тут все неверно. Во-первых, министр иностранных дел в кабинете Даладьё Жорж Боннэ

Франции, когда этот класс еще мог и хотел отстаивать свои интересы и свои претензии пред лицом буржуазии других стран всеми имеющимися у него средствами: то огнем и мечом, то дипломатическим искусством. И тогда к этому классу шли на помощь самые могучие воины, самые блестящие дипломаты, самые нужные ему таланты во всех сферах политической деятельности — к нему шли Наполеоны и Талейраны. А теперь это класс, который уже думает не о борьбе с чужой буржуазией, но о союзе с ней, чтобы вместе ударить на общего врага, на пролетариат. Дело вовсе не в различии размеров умственных средств, дело вовсе не в том, что сравнивать в области дипломатического искусства того же Жоржа Боннэ с Талейраном — то же самое, что сравнивать в области поэзии Тредияковского с Пушкиным. Дело в совсем разных заданиях, которые ставила могучая, молодая, хищная, алчная буржуазия своим слугам в начале XIX века и которые дряхлая, гибнущая, разбогатевшая, пресытившаяся, трясущаяся над своими золотыми миллиардами буржуазия ставит им сейчас.

Нельзя требовать от человека, чтобы он одерживал дипломатические победы, когда его, в лучшем случае, напутствуют такими словами: «Делай вид, что борешься с врагом, с Гитлером, но помни, что очень сильно его бить все-таки не следует, потому что он, чего доброго, и всерьез может грохнуться на землю, — а без него что мы тогда будем делать с мировой революцией?»

Традиции лукавства, непрерывных и разнохарактерных обманов, полной бессовестности, предательского нарушения и буквы и смысла самых торжественных трактатов и обещаний — все это благополучно передавалось буржуазным дипломатам от Талейрана через поколение в поколение вплоть до сегодняшнего дня. И уже поэтому читатель, который никогда не должен забывать о вражеском внешнем капиталистическом окружении, имеет основание желать, чтобы его ознакомили с исторической фигурой Талейрана и с его биографией.

Но, знакомясь с этим в самом деле замечательным индивидуумом, читатель должен помнить, что история положила непроходимую пропасть между объективными результатами деятельности Талейрана и результатами ухищрений нынешних его последышей.

«Социальный заказ», который буржуазия Франции некогда дала Талейрану, был по самому существу прогрессивен; «социальный заказ», который она теперь дает талейрановским потомкам, ведет прямо и непосредственно в черную ночь озверелого деспотизма и яркого мракобесия. Талейран помогал буржуазии хоронить феодальное средневековье — и ему суждены были успехи. Его нынешние наследники стремятся во имя спасения той же буржуазии круто повернуть историю вспять и изо всех сил помогают в Европе фашистским варварам, которые нагло воскрешают наихудшие стороны того же давно сгнившего средневековья. Немудрено, что этих последышей постигают на их безнадежном пути только позорные неудачи и разочарования.

